

Хабибуллина Алсу Зарифовна

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК (КОНЕЦ XIX-НАЧ. XX ВВ.): ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

В данной статье анализируются восприятие и переводы произведений М. Ю. Лермонтова на татарский язык в жанровом аспекте. Трансформации на уровне жанра позволяют лучше понять особенности диалога татарской литературы и русской классики в конце XIX - нач. XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 132-134. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК
(КОНЕЦ XIX-НАЧ. XX ВВ.): ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

Хабибуллина А. З.
Казанский государственный университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Ибрагимовым М. И. и к.ф.н. Бикметовым Р. Ф.

В данной статье анализируются восприятие и переводы произведений М. Ю. Лермонтова на татарский язык в жанровом аспекте. Трансформации на уровне жанра позволяют лучше понять особенности диалога татарской литературы и русской классики в конце XIX - нач. XX века.

Среди основных источников трансформаций в художественном переводе принадлежит жанру как формально-содержательной категории. Учитывая то, что каждый литературный жанр возникает и существует в кругу тех традиций и представлений, которые характерны для определенной национальной культуры, его некоторые особенности и свойства могут трансформироваться (изменяться) при переводе на другой язык [Топер 2000: 200-219].

Такая точка зрения на перевод вполне справедлива в отношении того диалога, который возник между татарской литературой и русской классикой в конце XIX - нач. XX века. Именно в это время, которое названо исследователями "золотым веком" татарской литературы, появляются первые переводы произведений М. Ю. Лермонтова, выполненные Г. Тукаем, С. Сунчалаяем, С. Рамиевым. Возникший диалог национальных литератур, проявившийся в сложном, многоаспектном взаимодействии "своего" и "чужого", был обусловлен сменой культурологической ориентации. Об этом, в частности, отмечается в монографии Ю. Г. Нигматуллиной "Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур". "В начале XX века, - пишет автор, - облик татарской литературы существенно изменился. Наметилась новая культурологическая ориентация - от Востока к Западу, появились жанры "европейского" типа в прозе и драматургии, усилился интерес к русской и западно-европейской литературе и философии" [Нигматуллина 1997: 109].

Наиболее ярко черты такого диалога иллюстрируют ранние переводы произведений М. Ю. Лермонтова на татарский язык. Имея в основном свободный, вольный характер, в таких переводах всегда сохранялась *точка зрения* поэта-переводчика на воспринимаемый текст. Данная тенденция художественного восприятия сходна с "назира" - особым жанром или, как полагают исследователи-востоковеды, *методом* художественного подражания (И. Брагинский, А. Куделин и др.). Остановимся вкратце на его рассмотрении.

"Назира", согласно многим исследованиям, представляет собой "ответ", "отклик" на произведение наиболее выдающегося автора, "само это слово имеет значение "подражание", "имитация", "следование образцу", но может быть истолковано и как "соперничество"; ср. однокоренное арабское слово "назир" - "соперник в борьбе" [Серебряный 1994: 190]. Такая форма художественной интерпретации была особенно распространена в арабо-мусульманских средневековых литературах. "В средневековой интерпретации, - пишет А. Б. Куделин, - "подражание" рассматривалось как произведение, обладающее ценностью, которая может быть не меньшей, чем ценность "оригинала" <...> поскольку, в частности, форма "подражания" позволяла автору превращать "старое" и "чужое" в "новое" и "свое" [Куделин 1973: 54-55]. Так, в традиции жанра *назира* в татарской средневековой литературе были созданы две выдающиеся поэмы: "Хосров и Ширин" Кутба и "Гулистан бит тюрки" ("Тюркский Гулистан") Саифа Сараи [Миннегулов 1993: 98-158].

Размышляя о первых переводах на татарский язык произведений М. Ю. Лермонтова (как и в целом русской классики), следует отметить, что в татарской литературе начала XX века само понятие перевода в его устойчивом (инвариантном) значении еще не сложилось, и поэтому первые образцы художественных переводов были вольными или существующими в виде переложений. "Тогда культура перевода только становилась, и новейшая татарская литература тяготела к большей самостоятельности. В последующем переводы стремятся к полному соответствию оригиналу как в содержательном, так и формальном отношениях" [Сафина 2004: 5].

О такой особенности переводов указывается и в работе Х. Ю. Миннегулова "Татарская литература и восточная классика". В ней отмечается, в частности, что в истории татарской литературы "есть случаи названия переводами произведений, созданных по "мотивам", "сюжету" другого автора, а также переложения, ответы, "назира", подражания и др." [Миннегулов 1993: 84].

Первые переводы произведений М. Ю. Лермонтова в татарской литературе, как и в других тюркоязычных литературах России (башкирской, казахской, узбекской), начали осуществляться еще в конце XIX-начале XX вв. Больше всего переводилась лирика М. Ю. Лермонтова. Так, Габдулла Тукай перевел на татарский язык более 12 стихотворений русского поэта и почти все его переводы были подражательными и вольными, похожими на "назира". К примеру, переводя на родной язык стихотворение М. Ю. Лермонтова "Ответ" (1830), Тукай существенно изменил не только его содержание, но и особенности художественной формы. Произведение "Соңра" Тукай написано бейтами (двустихиями) и выполнено в традиции "взгазь" - "наставление". Известно, что этот жанр часто использовался в литературной практике восточных поэтов, связанных со средневековыми арабо-мусульманскими письменными традициями. В татарской литературе он был особенно распространен в XIX веке. Так, различные наставления, а также поучения и притчи, в которых доминировал назидательный аспект, развивались идеи воспитания, можно найти в творчестве Каюма Насыри ("Книга о воспитании") - татарского просветителя и ученого, предшественника Тукая.

Трансформации стихотворений Лермонтова в аспекте жанра хорошо заметны и в переводах Сагита Рамиева. Большинство его переводов выполнены в духе восточного жанра "парса". Именно в этой форме, отличной от жанровой природы стихотворений русского классика, Рамиев выразил свое восприятие лермонтовского творчества. Отметим, что "парса" представляет собой малую литературную форму, которая существовала наряду с хикметами, хикаятами, марсия, кытга и рубаи. По словам Ф. Абелгузиной, "парса" в переводе с персидского означает: 1) отрывок, кусок; 2) маленькое, поэтическое или прозаическое произведение" [Абелгузина 2003: 9]. Исходя из особенностей "своей" литературы и, в первую очередь жанровых традиций, С. Рамиев существенно изменил форму таких стихотворений Лермонтова, как "В альбом", "Я жить хочу! хочу печали", "Когда б в покорности незнания", приблизив их к читателю родной культуры и языка. Так, например, парса С. Рамиева "Язам, язам..." ("Пишу, пишу...") представляет собой результат диалога со стихотворением Лермонтова "В альбом". Однако, если в произведении русского классика мотив памяти о человеке граничит с мотивом смерти (Быть может, долго стих унылый / Тот взгляд удержит над собой, / Как близ дороги столбовой / Пришельца - памятник могилы!..), то в парса центральной становится идея человеческого предназначения, лишенная трагического пафоса [Лермонтов 1982, Т. 2: 46].

Пишу, пишу беспечной своей рукой,
Так проходят много лет, говорят.
Короткая, но такая трудная моя судьба.
Какой след ты оставишь в ней, спросят
(подстроч. перевод) [Рамиев 2000: 66].

Столь вольное, свободное обращение со стихотворениями Лермонтова объясняется спецификой восточного мышления поэта, которое сложилось в кругу иных, чем в русской и западно-европейской литературах художественных форм и национальных традиций.

Поэзия Лермонтова для татарского классика стала сферой самовыражения, раскрытия внутреннего "я". Во многих своих "парса" С. Рамиев предстает поэтом философствующим, тяготеющим к выражению некой сентенции, здесь он рационален. И это, безусловно, сближало его с Лермонтовым. Можно утверждать, что Рамиев смог уловить и выразить в этом жанре то общее, сходное, что связывало его с М. Лермонтовым - идея личности, как одна из ключевых для всей романтической концепции.

Интересно отметить, что в казахской литературе конца XIX известный поэт Абай Кунанбаев перевел на родной язык то же стихотворение Лермонтова, однако его восприятие оказалось более созвучным данному тексту, как по характеру внутреннего содержания, так и его форме. Сохраняя на родном языке название "В альбом" - "Альбомга", Абай не нарушает при этом и его жанровообразующие свойства [Ахметов 1954: 46-47].

Такая же особенность восприятия лирики Лермонтова и его переводов на казахский язык имела место в отношении стихотворений "Молитва" - "Доһа", "Дума" - "Ой", "Кинжал" - "Канжар" и многих других.

Таким образом, в возникшем на рубеже веков диалоге между русской и восточными культурами проявились, в первую очередь, черты *национального своеобразия воспринимающего сознания*. К примеру, для татарских поэтов Лермонтов оставался "своим", нежели "чужим", "другим". Лирические произведения Лермонтова с развивающимися в них общечеловеческими идеями свободно входили в национальную парадигму и не были "чужими" для национально-художественного сознания. Татарские поэты - Г. Тукай, С. Рамиев, С. Сунчалай - обращаясь к М. Лермонтову, сознательно подчеркивали свое *собственно-авторское, оригинальное начало* в переводах (ср. в казахской литературе, определившей к этому времени свою национально-культурную специфику, такое самовыражение не стало доминирующим в переводах). Неслучайно поэтому большинство их произведений, созданных как результат диалога с М. Лермонтовым, существенно расходилось с литературным источником.

Однако в татарской литературе начала XX века было немало примеров того, как авторы переводов стремились наиболее точно и верно донести идейно-психологическое содержание оригинальных произведений Лермонтова. Данная тенденция инонационального восприятия проявилась в отношении переводов на татарский язык эпических произведений. Среди них особое место занимает перевод турецкой сказки "Ашик-Кериб".

Турецкая сказка "Ашик-Кериб" Лермонтова, созданная русским поэтом в 1837 году, была переведена на татарский язык неизвестным переводчиком и опубликована в Казани в типографии Домбровского в 1897 году. В 1912 году, а затем в 1918 в переводе К. Башира она отдельным изданием также выходит в Казани в типографии братьев Каримовых. Татарский переводчик озаглавил свое произведение "Гайшик-Гарип (Шэрек хикэясе)" - "Ашик-Гарип (восточная повесть)".

К числу ранних татарских переводов эпических произведений Лермонтова относится перевод главы «Бэла» из романа «Герой нашего времени» (1907). В роли переводчика выступил тогда Г. Карим, назвавший свое произведение «Черкез кызы. Хикая», т.е. «Черкешенка. Повесть».

Как видно из приведенных фактов, первыми на татарский язык переводились те эпические произведения Лермонтова, в которых центральное место отводится образу восточного человека и миру восточной культуры в целом. Именно данные образы и представления оказались наиболее созвучными татарским переводчикам рубежа веков, испытавших, как известно, сильное воздействие восточных языков (арабского, фарси) и литератур, их поэтики, художественных традиций, жанров.

Подобное явление можно найти и во многих других тюркоязычных литературах. Так, сказка "Ашик-Кериб" Лермонтова переводилось на азербайджанский язык трижды: в 1913 году, 1938 и 1950. Согласно исследованию Л. Самедовой, "лермонтовский "Ашик-Кериб" является первой художественной разработкой сюжета азербайджанского народного сказания. Лермонтов вводит читателей в мир, в котором живет народ, язык, быт, нравы, обычаи которого коренным образом отличаются от жизни русского народа. Поэт знакомит русских читателей с замечательным произведением азербайджанского устного народного творчества" [Самедова 1980: 132].

Кроме данного перевода, произведение Лермонтова в настоящее время существует на армянском, киргизском, башкирском, узбекском и таджикском языках.

Исходя из обобщения целого ряда исследований, мы пришли к выводу, что перевод сказки "Ашик-Кериба" Лермонтова на татарский язык, который выполнил в 1897 году неизвестный автор, является первым переводом данного произведения среди многих других тюркоязычных и фарсиязычных переводов. По-видимому, это объясняется тем, что варианты дастана об Ашик-Керибе издавна были хорошо знакомы народам Закавказья и Средней Азии, в этих регионах сложились многочисленные версии и интерпретации дастана о Гарибе [Самедова 1980, Якубов 1968], тогда как дастанный сюжет о странствиях молодого певца Гариба татарский фольклор долгое время не знал совершенно.

Проведенный сравнительный анализ разновременных переводов сказки М. Лермонтова "Ашик-Кериб" на татарский язык позволяет утверждать, что данное произведение свободно входило в национальную парадигму и сознание переводчиков рубежа веков. Однако с точки зрения проблемы жанра, они представляют собой полуоригинальные произведения, призванные расширить круг читательских знаний о русской литературе. Такая ситуация меняется лишь в 30-40-е годы XX столетия, когда лермонтовское творчество все больше воспринималось в аспекте "чужой" культуры, основанной на иных традициях и литературных формах.

Список использованной литературы

1. **Абелгузина Ф. Р.** Жанр "парса" в башкирской литературе: проблемы формирования и развития: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - Уфа, 2003.
2. **Ахметов З.** Лермонтов и Абай (о переводах Абая Кунанбаева из произведений М. Ю. Лермонтова). - Алма-Ата, 1954.
3. **Куделин А. Б.** Классическая арабо-испанская поэзия (конец X - середина XII в.). - М., 1973.
4. **Лермонтов М. Ю.** Сочинения: В 2-х томах. - М., 1992. - Т. 2.
5. **Лирика А. С.** Пушкина в татарских переводах / Сост. Г. Ф. Сафина; науч. ред. Я. Г. Сафиуллин. - Казань, 2004.
6. **Миннегулов Х. Ю.** Татарская литература и восточная классика. Вопросы взаимосвязей и поэтики. - Казань, 1993.
7. **Нигматуллина Ю. Г.** Типы культур и цивилизаций в историческом развитии русской и татарской литератур. - Казань, 1997.
8. **Рамиев С.** Стихотворения, поэтические переводы. - Казань, 1999 (на татар. языке).
9. **Самедова Л.** Народов связующая нить. - Баку, 1980.
10. **Серебряный С. Д.** Авторская индивидуальность в санскритской поэме - "подражании" ("Облако-вестник" Калидасы и "Ветер-вестник" Дхои) // Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность. - М., 1994. - С. 171-219.
11. **Топер П. М.** Перевод в системе сравнительного литературоведения. - М., 2000.
12. **Якубов С.** Азербайджанский дастан об Ашик-Керибе. - Баку, 1968.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПЕРЕВОДА КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ОС WINDOWS)

Хакимов Б. Э.

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина

Статья рекомендована к публикации к.ф.н. Юсуповым А. Ф. и к.ф.н. Сабировым Р. Р.

В статье исследуются особенности языка татарской локализации операционной системы Windows, возникающие в процессе перевода проблемы и способы их решения.

Расширение сферы функционирования национальных языков и постоянный процесс информатизации общественной жизни ставит новые задачи, как в исследовании языка, так и в области его применения. Одним из направлений в этой области является перевод (локализация) программного обеспечения на национальные языки - комплексная задача, предполагающая коллективный труд специалистов в сфере лингвистики и информационных технологий. Так, например, в 2007 году была выполнена полная татарская локализация операционной системы Windows Vista.

Лингвистический анализ данного продукта позволяет говорить о формировании нового подстиля в татарском языке и подтверждает необходимость постановки новых задач в исследовании языка в условиях активной информатизации. Следует отметить, что в результате «информатизации языка» возникает его новая «электронная» форма (наряду с устной и письменной). В этой форме тексты существуют уже не только в письменном виде с возможностью распечатки или в виде аудиоинформации, которую можно воспроизвести, но и в принципиально ином формате гипертекста. А в языке интерфейса компьютерных систем важную роль